

Предисловие

Естественный язык, как и сам человек, и любой живой организм, непрерывно меняется во времени. Стремительное движение языка в наши дни вызывает к жизни новые явления, еще недавно языку не свойственные. Это и слова, и их звуковой облик, и способы их организации в более крупные единицы со своими правилами построения, тоже изменчивыми.

Литературный язык, необходимым качеством которого является устойчивость, должен тем не менее быть восприимчивым к вновь возникающему в общественном речепотреблении, иначе он не сможет сохранить другое свое неотъемлемое качество — быть современным. Эта антиномия вызывает к жизни необходимые культурно-речевые коррекции, которые, однако, быстро откликаясь «на злобу дня», оказываются лишенными возможности опереться на исследовательски проработанные и выверенные теоретические основания, поскольку, что и естественно, новые накопления и фиксации материала опережают его научное осмысление. Оно все настоятельнее требует в дополнение к оценкам культурно-речевого характера, основанным на выяснении отношения нового явления к кодифицированной языковой норме, оценок, если здесь уместно это слово, исторического характера. Имеется в виду взгляд на явление в перспективе его гипотетически возможного дальнейшего развития. Если новое явление вытесняет из употребления узаконенную норму предшественника или замещает пустую клетку, это может преобразовать характер взаимоотношений фактов языка в их системной организации, то есть вызвать *изменения в системе*. Характер таких метаморфоз поддается учету и квалификации и в некоторых случаях даже дает возможность сделать *прогноз* относительно устойчивости положения явления в системе, хотя дело это заведомо рискованное. Главное же — проясняются пути и характер *развития языка*.

Система языка, как и любая система, сама по себе стремится к равновесному состоянию, к устойчивости. Вторжение нового элемента в систему нарушает ее равновесие, и она стремится обрести его вновь, для чего ей приходится вобрать в себя новый элемент, то есть найти ему место в старых - а теперь уже новых - соотношениях. Или - избавиться от него. Так совершаются массовые микро- и макродвижения в значениях и сочетаниях слов, в употреблении форм слов и конструкций, в фонетических способах уподобления и расподобления находящихся в непосредственном соседстве звуков, в словесном ударении. Эти сдвиги можно считать новыми элементами. Они составляют основную массу нового в употреблении, вводящем их в систему языка, хотя, конечно, есть и материально новые элементы - слова, прежде в

языке отсутствовавшие, которым в системе тоже находится свое место. Сначала они употребляются как «цитаты», то есть чужеродные элементы, затем условные кавычки исчезают, новации становятся органичными для формируемого текста, а это — непосредственный шаг к становлению новации как полноправного члена системы языка.

Наблюдения над современным живым речепотреблением показывают непрерывное перемещение центра предпочтительности с одного языкового элемента (явления) на другой (другое): его синоним. Такой синоним либо уже существует в языке, либо возникает вновь, хотя перемещение — это процесс и потому существует во времени, результат его мгновенен и присутствует в каждом подобном речепотреблении. Возникает диалектическое единство статики и динамики, революции и эволюции, синхронии и диахронии. Взятый нами для исследования синхронный срез — два последних десятилетия — одновременно и диахронный: этот период слишком короток для глобальных преобразований, совершающихся в отдельные исторические периоды существования языка (таких, например, как падение редуцированных, изменение систем глагольных времен, именного склонения и под.), и вполне достаточен для перехода единичного факта в разряд массовых и затем входящих в систему языка.

Ускорение процессов общественного развития и социальных преобразований может стать, как это и случилось в России, мощным фактором и непосредственной причиной раскрепощения и свободы речепотребления, на арене которого новое быстро заменяет старое.

Что же является прямой причиной (причинами) языковых изменений? И как они осуществляются? Как соотносятся и взаимодействуют внешние социально-исторические и даже политические факторы, речевой узус - и языковая система? Как складывается узуальная некодифицированная норма? Как поначалу смутные оценочные настроения и представления общества переходят в определенно выраженные общественный вкус и моду? Как все эти внешние по отношению к языку факторы обретают силу, чтобы стать причиной собственно языковых преобразований?

Это лишь одна часть возможных вопросов относительно причин языковых изменений, которая представляет их внешние факторы. Они действуют на язык вместе и параллельно с факторами внутренними, независимыми от условий существования языка и определяющими его саморазвитие. Те и другие в соответствии с заложенными в языковой системе возможностями создают определенный рисунок соотношений типовых употреблений имеющихся в языке элементов, в который вписываются, меняя систему, и новые элементы. Что же касается темпов изменений, то они определяются лишь внешними факторами.

К этой сложной картине добавляется еще одно осложняющее обстоятельство. Вхождение нового средства во всеобщее употребление и в литературный язык — далеко не одно и то же. Литературный язык в сравнении с

естественно (можно даже сказать — природно) развивающейся общенародной речью обременен комплексом исторически сложившихся условий, условностей и ограничений, определяющих строгость его норм, иногда искусственную, и сдерживание темпа преобразований.

Действие внутренних факторов осуществляется некоторым механизмом, обеспечивающим изменение. Этот механизм основан на различных типах соотношений различительных (дифференциальных) признаков явления, если угодно, их игре. Они определяют расширение или сужение возможностей старых процессов и появление новых. Внешние факторы действуют в унисон с ними или вопреки им.